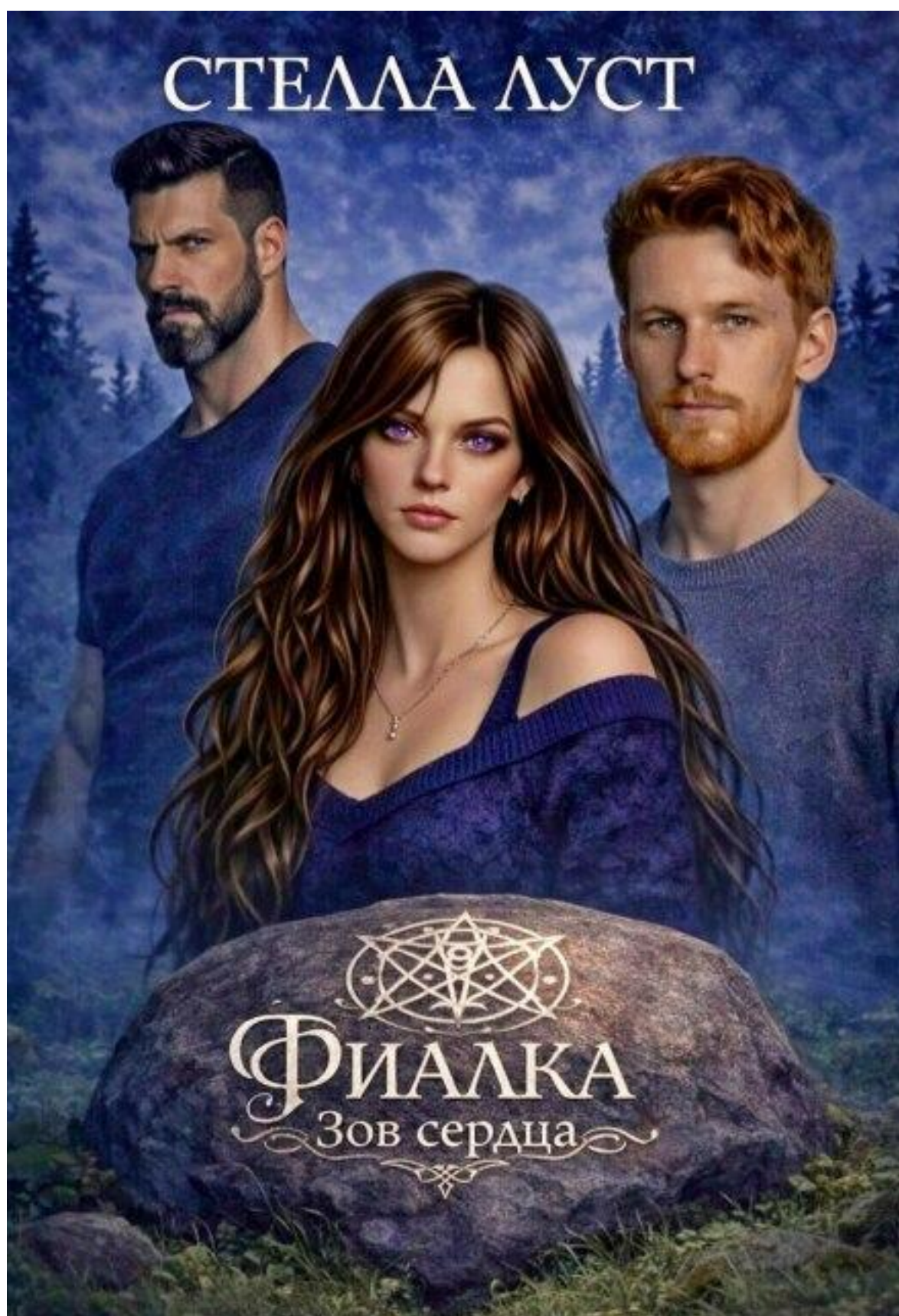

СТЕЛЛА ЛУСТ

Стелла Луст

Фиалка. Зов сердца.

«Литнет»

2021

Луст С.

Фиалка. Зов сердца. / С. Луст — «Литнет», 2021

«Эта волна захлестнула Фиалку, затопила, разлилась во все уголки трепещущего тела, наполняя его, в свою очередь, силой и жаждой чего-то большего. Её тело жаждало прикосновений мужчины. Девушка закрыла глаза и отдалась этой сокрушительной звериной мощи, которой он был пропитан и пылал ею. Оборотень ласкал её, не спрашивая разрешения, его сильные руки по-хозяйски сжимали её тело, не считаясь с её желаниями, но будто бы точно зная, что она хочет именно этого. Стальных объятий, которые делали её беспомощной жертвой в лапах хищника. Трепещущей от страха, смешанного с безумным восторгом..»

© Луст С., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1

Фиалка медленно открыла глаза и некоторое время соображала, где находится. Наконец, память распаковала и костер, и встречу с незнакомцем, представившимся Германом, и теплый спальник, в который она была завернута.

Некоторое время бездумно смотрела вверх, в темноту, прислушиваясь к постепенно возвращающимся ощущениям. Вокруг по-прежнему царил полумрак. За полотняными стенками палатки шумел дождь и лес. Звуки доносили ощущение тревоги. Фиалка поняла, что боится леса. И темноты. Капли с глухим стуком падали на чехол, иногда целыми гроздьями, но уже было ясно, что дождь стихает. Фиалка помнила, что у костра дождя не было, значит, он успел пойти уже потом, когда она отключилась у костра, разморенная теплом. Как она попала в палатку? Видимо, этот Герман принес её. Глаза девушки в полумраке испуганно расширились. Она одна, посреди леса, в палатке неизвестного мужчины!

Рядом раздался приглушенный храп. Фиалка испуганно повернула голову. Нет, в палатке с неизвестным мужчиной! Она машинально дернулась было, но сразу замерла. Бояться же было нечего. Её спасли, обогрели, перевязали – она потрогала плотную повязку на руке, которая, словно только этого и ждала, сразу начала немного беспокоить – и уложили спать.

Девушка откинулась на надувную походную подушку и глубоко вздохнула. Мужчина рядом пошевелился во сне, пробормотал что-то вроде «Мира», перевернулся на другой бок в своем спальнике и снова затих. Фиалка покосилась в его сторону, но ничего не смогла разглядеть. Вздвогнув от очередной очереди капель, сброшенных ветром с ближайшего дерева, она попыталась поудобнее устроиться на жестком лежаке и вдруг у неё возникло стойкое ощущение, что нечасто в своей жизни она спала на твердом. Она не знала, откуда взялось это ощущение, которое появилось и пропало.

Фиалка снова вздохнула, закрыла глаза и провалилась в сон.

Разбудило её пение птиц. Такое громкое, какого она никогда не слышала. Ну, или была уверена, что не слышала. Некоторое время она наслаждалась голосами природы, потом вдруг поняла, что она в палатке одна. Фиалка села и огляделась. Спальники, мужская рубашка, куртка, тяжелые походные ботинки, в углу палатки – рюкзак и чехол, видимо с ружьем. У неё в ногах, на свободном от спальника пространстве, стояли женские кроссовки, на которые была аккуратно сложена стопочка одежды. От неё ощутимо пахло костром. Запоздало сообразив, что лежит в спальнике совершенно голая, Фиалка страшно смутилась. То есть Герман мало того, что принес её сюда, так ещё и видел обнаженной?

Сгорая от стыда, девушка потянулась, хрустнув суставами и поморщившись от боли в потревоженной руке. Осмотрела повязку и увидела на ней темно-коричневое пятнышко засохшей крови. Нахмурившись и разглядывая рану, она усиленно пыталась вспомнить обстоятельства, при которых она была получена, но не вспомнила.

Из-за стенок палатки донесся размеренный стук. Звуки были знакомыми, но так, что Фиалка поняла, что скорее всего никогда не слышала их воочую. Заинтересованная, она торопливо оделась, расстегнула молнию клапана и на четвереньках выползла из палатки.

Первым, что она увидела, была потрясающей красоты обнаженная мужская спина.

Не огромная, с гипертрофированными буграми мышц, но такая, которая почему-то сразу навевала мысли об абсолютном здоровье и силе её обладателя. В тот момент, когда Фиалка взглянула на неё впервые, мужчина поднял руку и в ней блеснуло лезвие топорика. Рука резко опустилась, и послышался тот самый стук. Он просто рубил дрова. Но Фиалка почему-то была уверена, что никогда не видела этого процесса вживую, и удивилась.

Палатка стояла на краю небольшой поляны, окруженной высокими замшелыми елями и соснами. Два дерева когда-то упали по какой-то причине, пересекая поляну почти параллельными друг другу стволами. Влажную кору покрывал плотный и даже издалека мягкий ковер ярко-зеленого мха. Между стволами был устроен костер, над невысоким пламенем, из которого в небо сочился тонкий дымок, на металлической треноге висел маленький металлический котелок, издававший дивный запах кофе.

Мужчина снова занес руку с топориком, и девушка поняла, что, склонив голову набок, любит отточенностью его движений и игрой мышц под бледной кожей, покрытой многочисленными веснушками. Было просто приятно наблюдать за человеком, занятым физической работой, которой он занимался с явным знанием дела.

Герман, а Фиалка поняла, что это именно он, по коротким выющим и огненно-рыжим волосам, был одет только в походные брюки цвета хаки, штанины которых были завернуты до середины икр. Шагнул на коленях наружу из палатки, Фиалка тут же поняла такую предосторожность. Её колено и ладонь коснулись мокрой после дождя травы и моментально промокли. Девушке почему-то стало стыдно. Ей только недавно высушили одежду, а она намочила её в первую же минуту. Торопливо поднявшись на ноги, она оглядела блестящие многочисленными каплями ярко-зеленые травинки и поняла, что, как только она сделает по ним хотя бы пару шагов, её кроссовки вымокнут насквозь. Поэтому, после недолгого размышления она вернулась в палатку, решительно расшнуровала и сняла обувь и завернула джинсы по примеру Германа. Потом снова вышла наружу.

Мокрая трава обняла стопы влажной прохладой. Это было неожиданно приятно. Хотя очередное ощущение, что это происходит с ней впервые, снова навалилось на Фиалку. Укалываясь о пахшую хвою и какие-то невидимые в траве веточки, Фиалка пошла к трудившемуся мужчине.

Когда до него оставалось пяток шагов, Герман неожиданно обернулся к ней всем телом. На его рыжебородом лице расплылась прямо-таки чарующая улыбка. Фиалка снова, как ночью, поневоле ответила улыбкой. Что-то в его внешности настолько располагало, что она не могла удержаться.

- Доброе утро.
- Здравствуйте, Герман.
- Как спалось? Я не очень громко храпел?
- Храпел?

- Ну, - он чуть смущенно пожал плечами, - те мои друзья, с которыми мне довелось ночевать в пределах досягаемости, до сих пор со мной разговаривают, но тем не менее... Вам нужно было отдохнуть, а я мог помешать.

- Я прекрасно выспалась, - заверила его Фиалка и поняла, что ничуть не покривила душой. Она действительно чувствовала себя удивительно отдохнувшей.

- Это замечательно.

Герман кивнул на разбросанные вокруг щепы.

- Все промокло. Сухое дерево для костра приходится добывать из самой сердцевины.
- Вы, я вижу, большой в этом мастак, - польстила Фиалка.

Герман не стал ломаться.

- Да, в детстве и молодости я частенько ходил в походы. Люблю природу. – Он указал на свои босые ноги. - Я за максимальную естественность. Если бы не присутствие дамы, на мне не было бы даже штанов.

Фиалка рассмеялась.

- А я думала, это из практичности. – Она приподняла ногу, демонстрируя босую ступню. – Как у меня.

Герман улыбнулся.

- Вы явно городская. Посмотрите, какая нежная подошва. Относительно свежие ссадины - это ещё не показатель. – Он посмотрел на неё, и Фиалка увидела то, что не заметила ночью у костра. Радужки его глаз были удивительного рыжевато-медного оттенка, что невероятно гармонировало с рыжими волосами, рыжей бородой, бровями и усыпанным веснушками лицом. Она пришла к выводу, что вряд ли можно было бы быть более рыжим, чем Герман. – Так что теперь прислушайтесь к себе и скажите мне, что вы почувствовали, пройдя от палатки до стоянки.

Фиалка снова мягко рассмеялась.

- Сырость.

- Нет-нет! – Он покачал головой. – Потом ударом вогнал топор в бревно, шагнул к ней и взял за руки. Фиалка почувствовала прикосновение к запястьям, и первым её намерением было отнять руки. Странное чувство опасности появилось и пропало. Пальцы Германа были сильными и одновременно нежными. – Давайте по-другому. Закройте глаза.

Фиалка пару секунд вглядывалась в странные глаза этого странного человека, потом послушно опустила веки.

- Попробуйте вспомнить ещё раз. Говорите просто, что именно чувствовали. Вот вы снимаете кроссовки, и ваши ноги облетает утренний холодок, ощущение прохлады проносится мимолетно от пальцев вверх, до колен. Мурашки?

- Мурашки, - подтвердила Фиалка, улыбнувшись.

- Вы делаете шаг – под ногами прохлада пола палатки, следующий шаг наружу...

- Мягкость, - сказала Фиалка, вспоминая, - мягкость травы. Я словно наступила на пушистый ковер.

- Так, - подбодрил Герман, - вспоминайте, вспоминайте.

Темнота перед глазами Фиалки наполнилась образами. Словно кинематографическая камера делала облет её, выходящей из палатки, то отдаляясь и взлетая над ней – и тогда она видела себя сверху, себя, неровный квадрат палатки, поляну с разбросанной почти белой щепой и стоявшего с топором Германа – то спускающейся с приближением к самым ногам.

- Я чувствую, как с потревоженных травинок падают капли. Еле ощутимый перестук по коже. Чувствую покалывание чего-то твердого, скрытого в траве. Эти уколы словно врывающиеся в плавную мелодию резкие ноты. Но это не неприятно, скорее чувственно, как наступить на массажный иппликатор. Сначала легкая тупая боль, потом удовольствие. – Фиалка успела удивиться тому, что помнит ощущения от массажного иппликатора.

- Отлично.

- Мои ноги мокрые, но это скорее приятно, чем дискомфорт. Когда я делаю шаг, травинки гладят мою ногу, словно нехотя сбегаят с неё, как струйки воды. Земля пружинит под ногами.

- Это верно.

- Я слышу пение птиц. Очень громкое. Мне кажется, что краем уха я слышу её очень очень отдаленные раскаты грома. Воздух удивительно свежий после дождя. Ещё прохладно, но на лицо падают лучи солнца, и на коже пятна тепла...

Герман молчал, и Фиалка медленно открыла глаза. Удивленно посмотрела в его смеющиеся глаза.

- Обалдеть.

- Да, - сказал он, - действительно обалдеть. Вы прямо поэтесса.

Фиалка смущенно улыбнулась.

- Это потрясающе! Я столько всего вспомнила, просто подумав о шести шагах босиком.

- Природа! – значительно сказал Герман. Потом поднял голову и оглядел кроны деревьев. – Порой, вырвавшись из города, попадаешь в совершенно иной мир. И именно здесь, вот в таких лесах, понимаешь, насколько человек оторвался от природы. И насколько наши соци-

альные и вообще цивилизованные навыки становятся ненужными для жизни и являются чем-то наносным.

- Ну, мы ведь живем в городах, - возразила Фиалка. - В городах без социальных навыков никуда. Дикарь из леса там бы не выжил. Маугли какой-нибудь. Да и что касается цивилизации. Вы же не колотите по дереву голыми руками, а используете топор.

- Туше, - улыбнулся Герман. Потом посмотрел на неё с интересом. – Ловко вы меня уделали.

Девушка пожала плечами.

- Это все только болтовня. Я бы и дня не продержалась в лесу, наверное. У меня ощущение, что я тут настолько чужая, насколько это вообще возможно.

- Человек частенько не знает своих истинных возможностей, - сказал рыжий. – Только попав в экстремальные условия или ситуацию мы узнаем, кто мы есть.

Фиалка слушала его и в ней зарождалась уверенность, что он говорит о ней самой.

- Вот взять, к примеру, вас, - продолжал Герман, словно подслушав её мысли, - вы явно не из диких лесов. Но ваша рана явно от огнестрельного оружия. Пуля прошла вскользь, только дернула кожу глубоко.

Он внимательно смотрел на неё.

- Вы ничего не хотите мне рассказать?

Фиалка медленно покачала головой.

- Я сказала правду. Я ничего не помню до того момента, когда пришла в себя у костра.

Герман кивнул и лицо его разгладилось.

- Я вам верю. Вы явно побывали в какой-то передрыге, упали в воду, потом переохлаждение, и обо что-то ударились головой. Куча возможных причин для амнезии. Разберемся с этим позже. – Он отступил в сторону и приглашающим жестом указал на костер. - Сейчас добудем сухих дров, и я пожарю немного мяса. А пока вас ждёт кофе. На это дров хватило.

Фиалка была усажена на бревно поближе к теплу костра. Несмотря на протесты, Герман сходил в палатку и принес куртку, которую накинул ей на плечи.

- Солнце уже начинает пригревать, но пока ещё все же прохладно. Было бы глупо спасти вас из реки, чтобы вы простыли просто от недостаточной заботы, верно? – улыбнулся он, вручая ей кружку с кофе, предусмотрительно обернув её рукавом куртки. Потом вернулся и взялся за топор. Девушка поняла, что он расщепляет притащенный откуда-то обломок соснового ствола, стараясь добраться до сухой сердцевины. Все вокруг было усыпано светло-желтой щепой.

Фиалка сидела у костра, прихлебывая горячий кофе, и любовалась тем, как Герман машет топором. Сначала она решила, что он немного красуется перед ней. Но, присмотревшись, поняла, что красива сама отточенность его движений. Ни одного лишнего. Мускулы коротко перекачивались под кожей, когда он заносил топор, и на мгновение застыли в максимальном сокращении, когда лезвие резко устремлялось вниз. Девушка заметила, что после каждого удара Герман коротко поглядывает на нее, и поняла, что он следит за тем, чтобы ни одна щепка не отскочила в её сторону. Такая забота от малознакомого мужчины теплом благодарности растекалась по её телу. Вкупе с признательностью за спасение эти чувства формировали какое-то новое, постепенно охватывающее её целиком. Фиалка улыбнулась мысли, что Герман ей очень нравится. А его ответная улыбка подтверждала то, что она была права.

В какой-то момент он замер, выпрямился и вполоборота повернулся к ней. С топором в опущенной руке, с мускулистым торсом, освещенный ещё несмелыми лучами солнца, он показался ей воплощением брутальности. Веснушчатый лоб пересекала морщинка, как будто Герман пытался что-то вспомнить. Потом его лицо осветилось улыбкой, от которой Фиалку уже начинала пробирать легкая приятная дрожь, и Герман развел руками.

- Совсем забыл.

Одним движением вогнав топор в бревно, он шагнул к ней, пригнулся, обдав каким-то особенным, мужским запахом, от которого тонкие ноздри Фиалки затрепетали, и протянул руку куда-то ей за спину. Девушка успела на секунду только встревожиться, но в следующее мгновение её накрыло ароматом лесных цветов. Потому что Герман выпрямился с большим букетом. Фиалка поставила на замшелый ствол кружку с кофе и взяла цветы.

- Какая красота!

Его медно-медовые радужки засияли, когда мужчина посмотрел ей в глаза.

- Я не мог не выразить благодарность за такое удивительное знакомство.

Фиалка зарылась носом в сладкую какофонию лесных ароматов и вернула взгляд, чувствуя, как тепло, зародившееся в её теле, опускается в низ живота.

- Я тоже очень рада встрече...

- А я-то как. Приехал в лес, заранее обреченный на одиночество, ну или на компанию зверей и птиц, и вдруг в моей палатке оказывается такая очаровательная девушка, какую в городе-то днем с огнем не сыскать.

Фиалка снова вдохнула чудесный аромат.

- А я и не знала, что в лесу растут такие прекрасные цветы.

- В каких-нибудь подмосковных парках – вряд ли. А в настоящей дикой природе встречается кое-что и покрасивее. Люди в городах привыкли к срезанным заранее цветам, собранным по ранжиру и продающимся в магазинах. Но для меня такие цветы – невольники. Выращенные только для того, чтобы быть срезанными. Печальная судьба.

- Но вы тоже сорвали эти.

- Да. Но погибнуть свободным все же лучше, чем в неволе. Ни разу не почувствовав дуновения свежего ветра.

Фиалка задумалась. Он улыбнулся и снова взялся за топор.

- Проголодались?

Только услышав вопрос, Фиалка поняла, насколько голодна, и кивнула. Запах кофе внезапно только обострил её чувство голода.

Герман улыбнулся.

- Дайте мне ещё час, и вы попробуете самую вкусную зайчатину на свете. Гарантирую. А пока пейте кофе и набирайтесь аппетита.

Он занес топор и над поляной раздался звонкий звук металла, врезающегося в дерево.

Молодой мужчина с черными волосами, коротко стриженными по-военному, нервно прихлебывал кофе из белой керамической чашки, сидя в «Шоколаднице». Пальцы свободной руки, лежавшей на столе, время от времени отстукивали нервную барабанную дробь.

Мужчина посмотрел на часы. Тот, кого он ждал, опаздывал. А это означало только одно – он в опале. Старейшина может выразить недовольство одним своим опозданием на несколько минут, потому что для Старейшины опоздание – это неуважение прежде всего к себе самому.

Наконец, в дверях кафе показалась высокая фигура в неизменных коричневом пиджаке и черной водолазке. Посетитель огляделся, увидел ожидающего его мужчину и не торопясь подошел. Без приглашения и приветствия присев за столик, он подозвал официанта и сделал заказ.

- Ты облажался, Грач, - сказал пришедший брюнету. – Не смотря на всю свою хитроジョсть, ты облажался.

- Это ещё не доказано, - возразил мужчина, названный Грачом. Кулон с волчьим клыком, висевший на его крепкой шее, качнулся в распахнутом вороте рубашки, когда Грач слегка наклонился вперед.

- Какие тебе нужны доказательства? – недовольно удивился собеседник, которому на вид было около пятидесяти лет, тем не менее, его фигура дышала силой, а лицо с живыми гла-

зами выдавало человека энергичного. Сколько на самом деле лет Старейшине, Грач мог только предполагать. – Группа доложила об уничтожении гнезда оборотней, о гибели невинных, а потом внезапно перестала выходить на связь.

- Да, но мой план по зачистке силами третьей стороны сработал! – негромко сказал Грач.

- Ты облажался. Мы оба облажались. И причем удивительно, недопустимо глупо!

- Я забыл о том, что частники, нанятые отцом одной из жертв, не будут вооружены серебряными пулями и не будут знать, что воюют с оборотнями. Мне нужно было послать больше охотников. Больше, чем пару.

- Именно. А я, старый дурак, санкционировал все это дело.

- Но у нас есть оправдание, Старейшина! – не сдавался Грач. – Соотношение потерь. Оборотней уничтожено не меньше трех десятков! А охотников, если группа не выйдет все же на связь, двое.

- А невинные? – рявкнул шепотом Старейшина. – Заложники оборотней, полицейские. Полицейские! А если будет расследование, а оно непременно будет проведено, и найдут тела охотников?

- И что будет? – неожиданно спокойно отозвался Грач. – Вот что будет? На их руках найдут татуировки? Мало ли людей набивает себе сейчас всякую ерунду?

- Идентичные татуировки! – резко поправил Старейшина. – У людей, идентично вооруженных и экипированных. И не особо привычно экипированных для гражданских лиц. А это уже расследование деятельности ОПГ! Могут выйти на Орден! Ты понимаешь это?

- Давно нужно было отказаться от символики, – пожал плечами Грач, – прекрасно известно, что лишний идентификатор никому не нужен. Но наша гребанная ритуалистика...

- Выбирай выражения!

- Простите, Старейшина... Но что же тогда делать?

- Ты отправишься в тайгу и попробуешь разыскать наших братьев. Или узнать, что с ними. Один.

- Один? А какой в этом смысл? Один в поле не...

- А ты и не поедешь в качестве бойца. Прикинься охотником. Мало ли одиночек рискует шастать по лесам?

- И когда мне отправляться, по-вашему?

- Сейчас.

- Сейчас?

- Именно. Доберешься до дома и начинай собираться. Но, Грач... – Старейшина накрыл его ладонь своей. – Узнай, что произошло, но постарайся вернуться живым. На рожон не лезь. Хоть ты и хитрожопая сволочь, но ты – моя хитрожопая сволочь. И ты мне нужен. Живым. Нельзя такое говорить, это против правил, но я к тебе привязан. Несмотря ни на что.

- Спасибо, Старейшина... – сказал Грач дрогнувшим голосом. Он не ожидал подобного признания.

- В путь, брат. Если найдешь охотников первым, и они будут мертвы, не пытайся мстить. Просто...

- Удалить татуировки.

- Да. Обывателям, а тем более, полиции, совершенно незачем начинать интересоваться Орденом. Мы – организация тайная. Хотелось бы такими и остаться.

Глава 2

Фиалка не спеша жевала сочное мясо и думала о том, что действительно никогда не ела ничего подобного. Ела другое. При взгляде на розоватые мясные волокна, которые она отщипывала от куска пальцами, погружая себе в рот, у неё было ощущение, что так она ест впервые. Пальцами. И это ощущение «первости» делало даже такое простое действие удивительно увлекательным.

Над огнем на толстой ветке жарилась заячья тушка, которую Герман время от времени поворачивал и Отрезая ножом аппетитные, исходящие соком и запахом куски и периодически подавая Фиалке.

- Тут не подают вилок, - усмехнулась девушка.

- Это точно. - Герман, медленно отрезав длинный ломтик подрумянившегося мяса, забросил его себе в рот и расплылся в блаженствующей улыбке. – Но, на мой взгляд, использование приборов в лесу создает только дополнительный барьер между пищей и человеком. Взаимодействие с едой у нас использует все органы чувств. Мы обоняем аромат, видим румяную корочку, слышим шкворчание жира, чувствуем вкус. Зачем же нам посредник при тактильном контакте?

- Как вкусно.

- А то. Удовольствие в мелочах.

- Похоже, я никогда не ела мясо руками, - призналась девушка.

- Ну, вы в походных условиях, – улыбнулся Герман. – Самое время начать. Это так ужасно?

- Не знаю, - рассмеялась в ответ Фиалка. – Пока не знаю. У меня в памяти не сохранилось иное. Не с чем сравнить. Но ощущение такое, что впервые.

Герман промолчал, отрезая новый кусок. Аппетит у него был что надо. В сознании Фиалка всплыла нелепая фраза «в коня корм». Когда он подносил очередной кусок ко рту, она смотрела на его мускулистые руки. Амбалом рыжий не был, но четко очерченные выпуклые мускулы и ни грамма лишнего жира делали его тело невероятно красивым. От природы, видимо, худощавый, благодаря аппетиту он нарастил отличную массу. Герман и не подумал одеться к столу, чувствуя себя без одежды, очевидно, вполне комфортно. На выпуклом плече девушка заметила три коротких толстых шрама, пересекающихся неровным треугольником. Они немного дисгармонировали с его в целом так и пышущим здоровьем видом. Фиалке было любопытно, что это, но она постеснялась спрашивать.

- Интересно, какой была ваша жизнь? – он пытливо взглянул на неё. – Ну, та, прежняя жизнь. Кем вы были? Как жили?

Фиалка пожала плечами.

- Без понятия. Но я явно была городской.

- У вас хорошее тело. Тренированное.

- Успел разглядеть, когда раздевал?

Герман слегка смутился. Но только слегка.

- Признаться, трудно было не смотреть.

Фиалка опустила глаза и внезапно почувствовала, как вспыхнули щеки.

- Ты... вождедел?

Рыжий расхохотался. Потом увидел выражение лица Фиалки и помахал рукой, мол, прости. Резко выдохнул. И уже спокойно сказал:

- Простите. Просто не ожидал.

- Так ты вождедел?

- Знаете, для малознакомого мужчины вопрос в самом начале знакомства очень провокационный.

- Почему?

- Потому что я вас не знаю. Ответ «да», можно получить по лицу. Ответ «нет», так, грешным делом, и обидеть можно такую красавицу.

- И правда, засмеялась Фиалка. Как там говорят? Куда ни кинь всюду клин?

- Именно! – показал ей большой палец Герман. - В точку. Так что отвечать?

- Я красивая?

- Очень! – искренне сказал он. Получилось немного пафосно, и Фиалка прыснула. Герман усмехнулся.

- Считаете, лучше перейти на «ты»?

Девушка открыто посмотрела на него.

- Не вижу причин не делать этого.

- Хорошо. И я бы хотел определиться. Итак, привет, я Герман. А как все же мне называть тебя?

- Фиалка.

- Но... - замялся он, - ночью это была шутка.

- А мне понравилось. Зови так.

- Хорошо... Фиалка... - Он улыбнулся. Фиалка подумала, что с момента их встречи он почти всегда улыбается. Ей это нравилось. – На самом деле если бы это было твоим именем, то было бы здорово. По-моему, очень красиво.

- По-моему тоже. По крайней мере я бы с удовольствием его носила.

- Тебе идёт.

- Спасибо. Так что насчет моего тела?

Девушка поняла, что получает удовольствие, подзадоривая его. Но при этом у неё было ощущение, что во флирте она не сильна.

- Ну, у меня не было выбора. Если бы ты осталась в мокрой одежде, сейчас бы уже металась бы на спальнике с температурой под сорок. Ночью было холодно. К тому же мне нужно было посмотреть, нет ли ещё скрытых ран.

- Ну и как? Нет? – поддела она его, наслаждаясь какой-то безнаказанностью, которую ощущала. Она чувствовала, что с этим мужчиной можно не мучиться, подбирая слова, не бояться, что можно обидеть. Может он и не был таким, но выглядел рыжий спокойным, как танк.

- Нет, - подтверждая её теорию о себе, спокойно сказал Герман, не поддавшись на провокацию. Он дожевывал кусок, вытер руки травой и внимательно посмотрел на Фиалку. – Шутки шутками, но нам нужно кое-что обсудить.

Девушку насторожил серьезный тон его голоса. Она проглотила мясо и всем своим видом выразила полное внимание. Герман вздохнул, посмотрел в небо, которое к этому времени уже почти полностью очистилось от облаков, так что солнце залило лес изумрудным золотом, потом потер руки и перевел взгляд на Фиалку:

- Не буду врать, но твоё чудесное, без сомнений, появление здесь поставило меня в довольно затруднительную ситуацию.

- М?

Он развел руками.

- Видишь ли, на этот раз у моего отпуска и пребывания здесь есть вполне определенная цель. Кроме того, я – не очень сильно, признаться – но все же довольно ограничен во времени.

- Понимаю...

Фиалка почувствовала легкое напряжение.

- Посуди сама. Как настоящий джентльмен, я не могу просто собрать вещи и уйти по своим делам, оставив тебя здесь. Это было бы верхом неприличия. Но и на то, чтобы препроводить тебя в ближайший поселок у меня нет времени, а это, поверь, займет не один и не два часа. Мы довольно далеко от цивилизации. Но с другой стороны, блуждание по лесам, я подозреваю, будет затруднительно, а может даже опасно для такой девушки, как ты.

- Это для какой? – не удержалась Фиалка.

Герман посмотрел на неё, и на его лице отразилось сомнение смешанное со смущением.

- Для такой... ухоженной.

- Неженки, ты хотел сказать?

- Я сказал то, что хотел сказать. Ухоженной.

Фиалка иронично приподняла бровь. Герман немного смущенно хмыкнул.

- Я серьёзно. Посмотри на себя. Да, ты сильно потрепана, царапины, ссадины. Один огнестрел чего только стоит. Но под всем этим я вижу девочку, для которой блуждание в тайге – не самое обычное занятие. У тебя маникюр! Я не знаю, как ты оказалась в этих краях, но ты явно здесь случайно и попала в нехилую передрагу с опасными людьми. По идее, тебя надо доставить в полицию, но опять же, мне некогда. И от всего этого я в полном тупике.

При упоминании полиции Фиалка ощутила смутное, но от этого не менее явное волнение. Неприятное волнение. Какое-то внутреннее ощущение, некая чуйка, подсказывало ей, что в полицию соваться никак нельзя.

- Никакой полиции, - сказала она в ответ на свои мысли. Но ответил ей Герман.

- Возможно, ты беглая преступница. – При этих словах Фиалка быстро взглянула на него, но рыжий вовсе не шутил. – В этих местах есть две зоны, мужская и женская. Меня предупреждали, что случаются побеги, о которых полиция не трубит на всех перекрестках. Но ты не похожа на зэчку.

- Я не зэчка! – убежденно выпалила Фиалка.

- Не горячись, - поднял ладонь Герман. – Я не собирался тебя оскорблять. Но посуди сама. Поставь себя на моё место. Ты вызвала несомненную и мгновенную симпатию, - тут он чуть улыбнулся, и Фиалка поняла, что каким бы ни был его тон, улыбка меняет всё. Она превращала Германа в совершенно другого человека. От неё у Фиалки что-то сладко таяло на сердце. – Но я действительно не совсем понимаю, что мне делать.

- Просто возьми меня с собой.

Он вскинул на неё взгляд.

- Так просто?

- Ну а что? – пожала плечами девушка. – Суди сам. Я нифига не помню, кто я, откуда, ищут ли меня, или мне надо вернуться куда-то, где меня, возможно, ждут. Кто именно ждёт – я не имею ни малейшего понятия. Кто меня ранил или, не дай Бог, теперь ищет – тоже. Отведя в ближайший поселок и оставив там, ты сделаешь тоже самое, как если бы оставил меня тут. С тем же успехом. Кому я вообще нужна в этом поселке? Я должна довериться каким-то совершенно незнакомым мне людям, которые могут поступить со мной как угодно? Приковать меня к стене в хлеву и заставить убирать навоз? - При этих словах у неё зачесалась шея. Фиалка почесала кожу по кругу, и ощущение исчезло. - Ты бы вот на их месте что бы сделал? Если бы тебе свалилась молодая – я же молодая? – и ухоженная девушка?

- Отправил домой.

- А где это? – засмеялась Фиалка. - И где и у кого я буду кантоваться до этого времени? Пока меня не отправят домой?

- Кто-то да приютит. Мир не без добрых людей.

- Незнакомые люди? – повторила девушка.

- Ну вот опять... Меня-то ты тоже не знаешь, - заметил Герман.

- Не знаю, - не стала спорить Фиалка. – Но я... чувствую, что ты не предашь. – Она посмотрела ему прямо в глаза. - И не причинишь мне зла.

- А ты наивная.

- Я не права?

- Права, - сказал он, не отводя взгляд. – Не причиню.

- Ну тогда мне с тобой будет надежней, верно?

- В полиции объявят розыск твоих близких, - упорствовал он. - Кто-то сможет разместить твоё фото в интернете. Тебя опознают и заберут домой.

- А здесь точно есть интернет?

- Послушай...

Фиалка покачала головой.

- Мне нельзя в полицию.

- Почему?

- Я не знаю, почему. Но точно чувствую, что это плохая идея. Да и ты сказал, что у тебя нет времени меня отвести. А одна я не доберусь. Тупик.

- То есть у меня нет выбора.

- То есть у тебя нет выбора. Тебе придется взять меня с собой.

Они смотрели друг на друга, потом до Фиалки начало доходить.

- Ты не хочешь, чтобы я шла с тобой, да?

- Не особо. – Он увидел её взгляд и добавил: - Это не потому что ты – это ты. Напротив, рядом с тобой я чувствую себя... обновленным.

- Ух ты!

- Не смейся. Это странное чувство... - он чуть прищурил глаза в ответ на свои мысли. – Но у меня крепнет убежденность, что твоё появление в моей жизни – это её поворотный пункт.

- Ого! – не удержалась Фиалка. – Вот это признание! Мне ещё такого не говорили.

- Я верю в инстинкты, - серьёзно сказал Герман. – Слишком часто я убеждался, что они меня не подводят.

- Тогда почему ты не хочешь брать меня с собой? Ведь всё говорит только в пользу этого. Моя ситуация, мои ощущения, твоя ситуация, твои инстинкты. Здравый смысл, наконец.

- Ты очень умная и рассудительная, - сказал он одобрительно. – Не по годам.

- Знаешь... - совершенно серьёзно ответила Фиалка, - а вот мои инстинкты говорят мне, что я нехило так повзрослела за последние дни.

- Неудивительно, - хмыкнул Герман. – Ты явно многое перенесла.

- Но ты уклоняешься от моего вопроса. Что такого секретного в твоей миссии, что тебе не нужны свидетели в моем лице?

- Лес – место опасное... - нехотя сказал рыжий.

Фиалка продемонстрировала ему свою забинтованную руку, демонстрируя, что она в курсе. Герман хмыкнул, поняв, что аргумент-предупреждение немного запоздало. Девушка тронула пальцами его локоть.

- Хочешь сказать, что я буду тебе обузой?

- Да, - он кивнул. – Я буду идти по лесу быстро. Ты будешь отставать, замедлять меня.

- Я хожу быстро. Я знаю.

- Но скорость – это не главное. Важнее другое. Если, путешествуя в одиночку, я могу рассчитывать только на себя, то теперь я буду переживать и о тебе. А это отвлекает. К тому же ты мне очень нравишься. А значит, я буду переживать и отвлекаться ещё больше.

- Делов-то.

- Да? А если сейчас сюда выйдет медведь? Я уже невольно подумаю сначала о твоей безопасности. И уже только потом схвачусь за ружье. А, значит, подставлю нас обоих.

Фиалка молчала, только сейчас представляя себе серьезность его слов и не особо радужные краски перспективы совместного путешествия для него. Наконец она поняла, что, так неожиданно свалившись Герману на голову, нарушила все его планы.

- Я не буду тебе обузой, - тихо сказала она, опустив голову.

Герман вздохнул.

- Будешь. Но, похоже, у меня действительно нет выбора.

Тщательно потушив костер и накрыв угли срезанным заранее дерном, они оделись, и Фиалка помогла Герману собрать палатку. Перед этим он старательно и аккуратно сменил на её руке повязку. Пока он упаковывал палатку в чехол, Фиалка старательно расчесала пальцами волосы и собрала их в тугий хвост, закрепив найденной в кармане джинсов резинкой.

Солнце, будто постыдившись вчерашней непогоды, ярко и жарко светило с неба. Лес превратился в ослепительный калейдоскоп из всех оттенков изумрудного и коричнево-зеленого. Фиалка с радостным удивлением вертела головой, наслаждаясь невиданной раньше красотой. Лесные травы, цветы, мягкие даже на вид подушечки мха, взбирающиеся по древесным стволам, лишайники на серых валунах, разбросанных там и тут между деревьями – вся эта цветная какофония наполняла её сердце радостью и каким-то детским восторгом. Словно, как Элли из Канзаса занесенная ураганом в сказочную страну, полную цвета и ароматов, она впитывала окружающую природную симфонию всем своим телом. Девушка заметила, что Герман улыбается, искоса наблюдая за ней, и невольно улыбалась в ответ. Сейчас её переполняло веселье и легкое счастье. Фиалка не помнила, когда ей было так же хорошо.

Когда они собрались и Герман затянул лямки рюкзака, Фиалка, переполненная каким-то щекочущим изнутри предвкушением, радостно хлопнула себя ладонями по бедрам и весело осведомилась:

- Ну? Куда мы направляемся?

Он повесил на плечо ружье.

- К схрону.

- К чему-у?

- К схрону, - повторил Герман. – Мы с друзьями путешествуем тут иногда. А с собой все пожитки таскать не очень хочется. Так что, как правило, делается схрон. Тайник. Думаю, там есть подходящие женские вещи для тебя и ещё много полезного. Тут не очень далеко. День пути.

Он огляделся.

- Трава высохла, можно спокойно идти, не боясь промокнуть.

- Ну? Отправляемся?

- Да, - улыбнулся он. - В путь.

- Вперед! – патетически воскликнула Фиалка, взмахнув воображаемой саблей.

И тут же сложилась в жутком приступе рвоты.

Сашок любил погрибачить. Так он называл своё увлечение, досадуя на то, что сбору грибов не придумали своего термина, как например «поохотиться», «порыбачить». «Сходить по грибы» - хуже придумать было невозможно. Это почти как «сходить до ветру». Тьфу. Срамота, а не название для одного из лучших времяпрепровождений.

Сашок, которого в деревне называли именно так, хоть ему стукнуло уже за полтинник, встал этим утром ещё до рассвета. Грибы любят утренний туман. Сашок, будучи заядлым грибником, верил, что в этом тумане они вытягивались во весь рост, впитывая влагу своими стройными – а иногда и не особо – телами, а при появлении солнца прятались, прикрываясь широкополыми шляпами. Так что в лес он любил выйти ещё когда солнечные лучи не прогоняли белесые пряди, стелящиеся вдоль опушки у подножия деревьев.

В этот раз ему здорово везло. Аккуратно пробираясь между стволов, за какой-то час Сашок заполнил объемную корзину почти до половины. Он ещё хотел посмотреть свой любимый распадок, где даже в самые солнечные дни сохранялась тень, а с ней и влага. Распадок был очень урожайный на кубышки – валуи, которых большинство знакомых Сашка сторонились, но сам он кубышки очень любил солить. Засоленные валуи зимой под пиво шли просто замечательно. Просто их надо было хорошо вымачивать предварительно, чтобы горечь ушла. А Сашок в таких делах толк знал.

Распадок темнел между двумя невысокими каменистыми холмами, а в его уютном полумраке тут и там торчали «малолетние хрены», как называл Сашок валуи с нераскрывшимися ещё шляпками за их форму. Такие как раз пойдут на засолку. Срезая одну за другой кубышки, похожие ещё на толстые, сосискообразные пальцы, в какой-то момент Сашок едва успел удержать руку с острейшим дедовским ножом. Совсем рядом со сдвоенным валуем торчали жутко похожие на него толстые мясистые пальцы, по которым он едва не полоснул лезвием.

Сашок охнул и попятился, как сидел, на кортах. Мертвяков он в своей жизни вот так ни разу не встречал. От вида торчавшей белесой пятерни в животе сразу стало пусто-пусто, а в портах как раз наоборот, едва не случился конфуз. Пока грибник раздумывал, как удержать все в себе, пятерня чуть пошевелилась. От страха и неожиданности Сашок едва не обделался, но тут из распадка раздался еле слышный стон.

Бросив корзину и нож, Сашок кинулся к человеку. Рука продолжилась черным шерстяным рукавом, пройдясь взглядом по которому, грибник с ужасом увидел нашлапку с ментовским триколором. Подняв взгляд ещё выше, он увидел блеснувшие от слабого движения человека погоны с двумя большими звездами. Подполковник!

Сашок бросился к лежащему ничком полицейскому и торопливо, но осторожно перевернул его на спину. Мент издал ещё один стон. Его китель на груди в трех местах обнаружил аккуратные дыры, вокруг которых ткань была пропитана темно-коричневым. Весь человек был заодно покрыт кровью, грязью, и опавшей хвоей. Сашок посмотрел на его содранные в кровь руки. Видимо, очень долго полз по лесу. Приподняв голову раненого, грибник поднес к пересохшим губам фляжку с водой, которую всегда брал с собой на «грибалку». Почувствовав прикосновение, подполковник полиции, не раскрывая глаз, припал к металлическому горлышку и долго, с перерывами, пил. Наконец, откинувшись затылком на подставленную ладонь, мент прохрипел:

- Врача...

- Врача! Точно! – засуетился Сашок, сдергивая с себя куртку и скручивая её в рулон, который он подложил под голову подполковнику. – Вы это... полежите тут, значит... А я за фелшером сгоняю!

- Давай, милый, - слабо проговорил полицейский, - сгоняй...

Сашок выпрямился и, забыв про собранный урожай, помчался в деревню.

Глава 3

- Может быть, кролик был недожаренным?
- Я не знаю. – Фиалка прополоскала рот водой из термокружки, которую ей дал Герман.
- Ты не выглядишь больной, - заметил он обеспокоенно.
- Да я себя такой и не чувствую, - заверила Фиалка. - И не помню, чтобы болела.
- Ну, может быть, просто желудок чувствительный. Я, конечно, не врач, правильный диагноз не поставлю. Но это выглядит наиболее вероятным. У нас, городских жителей, пищеварительная система уж больно расшатана.
- Наверное.

Девушка прислушалась к себе и не нашла никаких неприятных ощущений. Приступ тошноты как пришел, так и отступил, оставив только неприятное послевкусие. Во всем остальном она чувствовала себя абсолютно здоровой. Фиалка посмотрела на озабоченного Германа, который мерил её крайне задумчивым взглядом. Наверняка прикидывает, насколько я буду обузой ещё и с этим, подумала она.

- Со мной все в порядке, - убежденно сказала девушка, которой даже мысли о том, что она может остаться одна, были неуютны. - Я не доставлю проблем. Можно идти. Правда.

- Хорошо... - с некоторым сомнением в голосе сказал Герман, выпрямляясь и помогая ей подняться. – Тогда в путь. Хотелось бы найти схрон до темноты.

Они шли по лесу уже несколько часов.

Вопреки предположениям Фиалки и опасениям Германа, который неумоимо шагал, как автомат, девушка вполне выдерживала довольно высокий темп, так что у неё не было поводов отчитывать себя. Да и Герман перестал озабоченно хмуриться, помогая ей преодолевать подъемы или перепрыгивать русла ручьев, несколько раз встречавшихся на их пути. Возле них они пару раз отдыхали, напившись чистой и прохладной воды, заполнив бутылки и перекусив. На первом таком привале, осторожно пожевав мяса и прислушавшись к ощущениям, Фиалка пришла к выводу, что утренний приступ был разовым явлением. По крайней мере, позывы не повторялись, и девушка с удовольствием пообедала сохраненной Германом зайчатиной. Сам он от мяса отказался, объяснив это тем, что не голоден, а полудневной переход не может заставить его заголодать.

Вообще, её рыжебородый спутник показал себя опытным походником. Под его ногой не хрустнула ни одна ветка, а ещё Фиалка заметила, что для движения он выбирает такой путь, чтобы оставалось как можно меньше явно видимых следов. Девушка задумалась об этом, но пришла к выводу, что Герман, как истинный любитель живой природы, каким он себя уже зарекомендовал, просто желает поменьше наследить в лесу.

Он то и дело оглядывался на неё, и Фиалка заметила, что эти взгляды направлены не на то, чтобы проследить за ней, как она двигается и не устала ли. Точнее, не только на это. По большей части глаза Германа, когда он поворачивал голову, светились удовольствием. Он явно наслаждался её видом, и Фиалке это было до безумия приятно, хотя она и смущалась. Так что большую часть похода её щеки горели румянцем.

Заинтригованная подобными проявлениями симпатии, девушка невольно начала фиксировать их.

Например, все чаще, подавая ей руку, чтобы преодолеть какое-то препятствие, Герман начал чуть задерживать её пальцы в своих, а однажды совершенно явственно погладил большим пальцем её ладонь, сделав это настолько незаметно, что только уже настроившаяся на подобные вещи Фиалка поняла это. Посмеиваясь про себя и прислушиваясь к приятной щекотке в животе, она начала подыгрывать Герману. Просила помочь ей там, где и так бы справилась, чтобы лишний раз подержать его за сильную руку. Нарочно оступалась, чтобы схва-

титься за его литой бицепс. Говорила, что боится прыгнуть с холмика, и он опускал её, держа за талию. При этом их тела несколько мгновений были очень близко друг от друга, и Фиалке казалось, что она чувствует, как по его телу пробегает дрожь.

Каждый раз внутри неё что-то сладко замирало, и Фиалка хотела продлить это приятное ощущение. Ей всё очень нравилось. Нравилась нетронутая природа вокруг, мягкий, пружинящий ковер трав под ногами. Влажный запах мхов и древесной коры. Чичикающие над головой белки, лихо сигающие с ветки на ветку. Ей очень нравился Герман. Его мягкая улыбка на мужественном лице, выражение глаз, которое Фиалка уже самодовольно определила для себя, как обожание. Его мускулистые ноги и ягодичы, обтягиваемые брюками, когда Герман залезал на какой-нибудь поваленный ствол. Ей до мелкой дрожи в руках была приятна та скрытая игра в прикосновения, которую они вели, внешне оставаясь беспечно-спокойными. Она готова была продолжать её вечно. Но Герман либо решил прекратить, либо перестал замечать эти тайные знаки, которыми они обменивались.

Он с озабоченным видом посмотрел на свои массивные часы на плетеном ремешке цвета хаки.

- Мы выбиваемся из графики. Нужно ускориться. – Он взглянул на Фиалку. - Ты как?

- Я - прекрасно! – твердо заявила девушка.

- Устала?

- Почти нет. Немного ноют икры.

- Неудивительно, - хмыкнул Герман. – Дорога не асфальтовая. Ступня очень напрягается, а с ней и все связанные мышцы.

Он посмотрел на её кроссовки.

- Я очень надеюсь, что в схроне окажутся женские трекинговые ботинки с берцем. Переживаю за твой голеностоп. На таких кочках и камнях ничего не стоит подвернуть ногу. Будь осторожнее.

Девушка послушно кивнула, надеясь про себя, что он так беспокоится о ней не потому, что вывих бы сильно задержал его движение. А если она не сможет идти, как он поступит? Оставит ли помеху в лесу? Ведь им тогда придется идти либо очень медленно, либо Герману придется нести её. Что он сделает тогда?

Фиалка отогнала неприятные и пугающие мысли, сосредоточившись на пути и на том, куда ставить ноги. Это стало более актуальной проблемой, так как пейзаж за эти часы довольно сильно изменился. Земля под ногами стала каменистой. Ели сменили высокие сосны, от их рыже-коричневых стройных стволов у девушки слегка зарябило в глазах. Все пространство под стройными древесными телами было завалено коричневой колкой хвоей и чешуйками коры причудливой формы. Появились грибы, которые Герман и Фиалка на ходу рвали, складывая в пакет, извлеченный Германом из рюкзака. Относительно ровная поверхность сменилась невысокими каменистыми холмами, затянутыми мхом и лишайниками, между которыми темнели неглубокие, но плохо видимые впадины. Движение замедлилось, Герман все чаще подавал Фиалке руку. Девушка с досадой поняла, что в одиночку он двигался бы гораздо быстрее. Её рыжебородый спутник ничего ей не говорил, но Фиалка чувствовала, что они начали терять время. Она закусила губу и попробовала ускориться. И, разумеется, едва не сломала ногу, провалившись в какую-то трещину между валунами.

Герман помог ей выбраться и сказал:

- Давай пойдем помедленнее.

- Мы опаздываем, - воспротивилась Фиалка. - Я и так тебя задерживаю.

- Если ты свернешь себе ногу, ты удержишь меня ещё сильнее, - со вздохом сказал он.

– Так что выберем меньшее из двух зол.

- Прости...

- Ничего. Потом попробуем наверстать.

Они в спокойном темпе прошли ещё пару часов, при этом Фиалка впервые задумалась, по каким признакам Герман находит дорогу и вообще выдерживает направление? В её сознание заползла очень неудобная и колючая мысль: она целый день идёт вглубь чащи с совершенно неизвестным ей человеком. При этом ощущение безопасности от самого Германа никуда не пропало. Но вот сомнения в том, что он точно знает, куда идёт, начали все навязчивее и навязчивее стучаться в её голову. Наконец, Фиалка не выдержала и спросила, пытаясь не сбить дыхание, потому что уже начала уставать:

- Герман, а как ты находишь путь в этом лесу? Мы делали уже так много поворотов, явно не идём по прямой к цели. Может быть, ты хочешь меня запутать? А на самом деле мы давно ходим кругами?

Пауза, которая повисла после её вопроса, успела напугать Фиалку, когда он, наконец, нехотя сказал:

- Нет, я не заблудился, если ты намекаешь на это. Просто я иду по знакам.

- Знакам? Каким знакам?

Герман искоса посмотрел на неё.

- Боюсь, ты их не заметишь. Но, поверь, я знаю, что делаю.

На небольшом пригорке, на который они поднялись, когда солнце уже опустилось за вершины сосен, рыжебородый остановился. Глубоко вдохнув и взявшись за лямки рюкзака, он осмотрелся.

- Скоро начнет темнеть, - сказал он. – До схрона не дошли, и надо переночевать. Предлагаю здесь. Место удобное, ветерок сдувает комаров, к тому же я вижу засохшую березку для костра. Давай остановимся тут.

- Кто я такая, чтобы спорить? – улыбнулась Фиалка. – Ты у нас проводник, тебе виднее.

- И верно, - улыбнулся в ответ Герман. - Сусанин нынче я, так что – привал. Палатку поставишь?

Фиалка уверенно кивнула, хотя чувствовала, что никогда прежде этого не делала. Как и не слышала ни о каком Сусанине. Герман вытянул ей яркое полотно из чехла и отошел в сторонку, прихватив топорик. Вскоре раздался стук металла, вгрызающегося в дерево.

Девушка развернула сверток с палаткой и отважно бросилась в бой с полотнищами пола и полога. Пока она боролась с вставляющимися друг в друга штырями каркаса, успел вернуться Герман с охапкой нарубленных полешек. Усмехнулся, глядя на её титанические усилия понять, как трехметровую гибкую палку можно продеть в длиннейшие проушины, и ушел снова.

Пока Фиалка боролась с палаткой, её не покидало странное чувство. Несколько раз она выпрямлялась и озиралась, вглядываясь в пока только намечающийся сумрак между соснами. Её не покидало ощущение, что за ней кто-то наблюдает. Но как только она начинала осматривать лес вокруг, ощущение пропадало. Девушке стало не по себе. Когда Герман вернулся снова, она сказала:

- Мне кажется, мы тут не одни.

- Не одни, - не стал спорить Герман. – Но, думаю, костер отпугнет всех зверей.

- Но я за весь день не видела никого, кроме белок. И однажды лисица мелькнула.

- Множество животных могут оставаться невидимыми, если захотят. Даже медведь.

- Ты думаешь, там может быть медведь?! – испуганно ухватила за его руку Фиалка.

- Может быть.

Девушка вытаращилась на него.

- Как... как ты можешь так спокойно об этом говорить?

Герман пожал плечами.

- Я охотник. Немного знаком с их повадками. Хотя крайне странно встретить медведя в этих краях. Но я действительно чувствую слабый запах. Это мне и удивительно. – Он заговорил задумчиво, словно сам с собой. - Признаков никаких не было. Ягод, которые могли бы его

привлечь, тут мало, орехов мы не встречали, останки зайца я закопал глубоко... Ни развороченных муравейников, ни царапин на деревьях, ни поломанного молодняка, экскрементов... Следов тоже нет, но на таком ковре их и не будет видно. Но медведи тут отродясь не бывали! Волки вот ходят периодически... - Фиалка не поняла странное выражение его лица, когда он упомянул о волках, и у неё самой почему-то все сжалось внутри.

Герман мягко оторвал её руку, вцепившуюся в рукав его куртки.

- Уверю тебя, не о чем тревожиться. Кроме того, - он кивнул на прислоненное к дереву ружье, - у меня пистолет полуавтомат, а стреляю я очень метко. Я покараулю ночью. Гарантирую тебе спокойный сон.

Фиалка немного успокоилась. Скорее из-за его совершенно спокойного и уверенного тона, нежели того, что именно он сказал.

- Мы набрали грибов. Давай-ка сделаем суп. Ты не поверишь, но у меня в рюкзаке есть пять картофелин. Почистить и порезать сможешь?

Девушка, улыбаясь, честно пожалала плечами. У неё не было ни малейшего понятия, умеет ли она что-то готовить. Увидев её замешательство, Герман поставил рядом с ней пакет с грибами, достал соль, нож.

- Ясно... Смотри, - стал показывать он. - Грибы я обычно чищу вот так... - движения лезвия, снимающего с шляпки кожицу. - Потом режешь на кусочки, вот так. Вот тебе котелок. Давай, работай. А я разведу костер.

Старательно, высовывая периодически язык от усердия, Фиалка почистила и нарезала грибы и картофелины, периодически косясь на Германа, будет ли следить? Попрекнет ли за то, что что-то сделала неправильно? Девушка была уверена, что даже в таком простом деле можно накосячить. Илья вот то и дело тыкал её носом в таких случаях.

Она замерла с ножом в одной руке и картошкой – в другой. Пришедшее на ум имя выдернуло из памяти и распаковало высокого худощавого парня с немного надменным выражением лица и волнистыми волосами в короткой стрижке. При этом основные черты – глаза, нос – были как-то смазаны, подергивались на её воображаемой картинке, складываясь то в хитрый и веселый прищур, то в холодный взгляд с проблеском безумия.

Фиалка снова покосилась на Германа - заметил ли он её ступор - а потом медленно начала резать картошку на выданном ей плоском полence.

Итак, в её жизни был некий Илья с надменным лицом и попрекающий её за проступки. Что это были за проступки, Фиалка не помнила, но облик этого самого Ильи, стоящий перед внутренним взором, был ей неприятен. Кто он? Друг? Брат? Знакомый? Любовник? Враг? И почему только два выражения его лица менялись в её представлении? Фиалка задумалась, мысленно примеряя на портрет незнакомца разные ипостаси. Упрекать её он мог в любой из них, так что этот виртуальный фоторобот ничего конкретного ей не дал. Девушка решила отложить образ Ильи про запас в надежде, что взбрыкнувшая вдруг память среагирует ещё на что-нибудь привычное. Но это внезапное прозрение немного выбило её из колеи. Герману она решила ничего не говорить.

Спустя час почти совсем стемнело, а по холму растекся аппетитный аромат грибного супа. Немного подумав, Герман порезал в котелок небольшой кусочек зайчатины. От итогового запаха у Фиалки потекли слюнки. Помешав варево обструганной плоской палочкой, Герман вдруг рассмеялся.

- Что? – спросила Фиалка, заранее улыбаясь.

- Тоже мне, походник крутой, - смеялся Герман, мотая головой. В ответ на вопросительный взгляд Фиалки, он пояснил: У меня походный раскладной набор, ложка-вилка. Правда вот ложка такая, что только густую овсянку есть, а не суп хлебать. Давненько не хаживал в лес, давненько... Так что в миску нальем – и через край хлебать... Как чай из блюдца.

Фиалка уже хотела сказать, что её это совершенно не смутит, как вдруг Герман вскочил с корточек и в его руках мгновенно оказалось ружьё.

- Тихо!

Девушка замерла.

Несколько долгих минут ничего не было слышно, кроме негромкого потрескивания пламени и щелчков углей в костре. Потом, громко, словно выстрел, в темноте сломалась ветка. Следом ещё одна. И наконец, до слуха Фиалки донеслось тяжелое сопение, словно жирный толстяк, отдуваясь, взбирался к ним на холм.

Её сердце сначала провалилось куда-то в желудок, а затем, вернувшись, замолотило со скоростью колес локомотива. В горле пересохло, а глаза сами собой расширились до максимума, превратившись, наверное, в плоски.

К сопению добавились тяжелые шлепки по земле. Медведь! Фиалка вытаращилась на Германа, который стоял в стойке стрелка и медленно поднимал приклад ружья к плечу. Что же он медлит?! Девушке показалось, что она видит неясный пока отблеск на чем-то, что медленно приближалось к стоянке по пологому склону холма, откуда пришли они сами. Потом пламя выхватило из темноты огромную, но при этом приземистую фигуру, медленно переставлявшую массивные лапы.

- Накаркали, - прошептала Фиалка, замерев.

Медведь, показавшийся ей сначала огромным, на самом деле был, наверное, Герману чуть выше пояса. Но ведь это не отменяло того факта, что это был медведь! Большой чуткий нос шевелился, принимаясь к запаху из котелка. Медведь забавно поводил головой, а в глазах, в которых отражалось пламя костра, ещё и светился ум. Над выпуклым лбом на коричнево-рыжей шкуре виднелась какая-то то ли проплешина, то ли словно мазок светлой краской, отдаленно даже напоминающий какой-то узор. Фиалка посмотрела на огромные грязно-желтые когти на лапах и шумно сглотнула. Бросила взгляд на Германа. Почему он не стреляет?

Зверь остановился на границе освещенного костром круга, и стоял, не двигаясь с места, словно замороженный пламенем. «Какой-то уж смиренный медведь, - подумала Фиалка, - повезло». Герман, видимо, подумал также, потому что глаза его внезапно расширились, он пробормотал: «Бьорнин? Здесь?», потом, словно спохватившись, с тревогой повернулся к Фиалке. Девушка встретила его непонимающим взглядом. Герман медленно опустил ружье, а затем на его лице появилось странное выражение. Словно в нем происходила усиленная внутренняя борьба. Фиалка с удивлением видела, что её рыжебородый спутник колеблется, будто не решаясь сделать что-то. Он явно сомневался.

Наконец Герман пожал плечами, словно отвечая сам себе на невысказанный вопрос, и негромко сказал Фиалке:

- Я слышал байку, будто медведи понимают норвежский язык...

Голос его при этом звучал очень неуверенно. Он тут же отвернулся от девушки, положил ружье на землю, при виде чего Фиалка внутренне запаниковала, и громко, но примирительным тоном сказал медведю:

- Ви ком и фред тиль дитт тарриторием. Ви арь ихьке дине фиендер. Ля ос дра он морн.

Фиалка посмотрела на медведя и, несмотря на свой ужас перед ним, едва не прыснула от смеха. Более нелепого хищника она никогда не видела. На вытянувшейся морде зверя застыло такое удивленное выражение, как будто он сейчас скажет: «А? Чё?»

- Ви арь ихьке дине фиендер, - негромко и очень убедительно с виду повторил Герман.
- Ля ос дра он морн.

Медведь плюхнулся на зад, челюсть его отвисла, и он уставился на рыжебородого все с тем же выражением безмерного удивления на морде.

- Ви хар блит энье ом? – спросил Герман. Потом, не отворачиваясь, протянул ладонь к Фиалке. – Дай остаток мяса.

Девушка, стараясь двигаться медленно, достала из рюкзака и раскрыла сверток, положила в подставленную ладонь две жареных заячих ноги. Герман медленно вытянул руку с мясом в сторону медведя, который сразу вытянул в его сторону нос и начал шумно принюхиваться. В его животе громко заурчало. Услышав это, Фиалка невольно улыбнулась, забыв про страх. Она подозревала, что дружелюбное поведение может мгновенно смениться яростью, все же это был хищник. Но сознание усыпляло её, подбрасывая нелепые картинки того, как медведь ужинает с ними, усевшись у костра.

- Ви ар энье ом! Мы договорились! – удовлетворенно проговорил Герман, делая три шага вперед и кладя мясо перед медведем. Отступив назад, он поднял ружье и повесил на плечо. Потом и вовсе засунул руки в карманы штанов. Медведь фыркнул, как показалось Фиалке, с насмешливым снисхождением. Потом сгреб пастью угощение, медленно переступая, развернулся на месте и не спеша убрел в темноту.

Герман осторожно выдохнул и явно расслабился. Фиалка смотрела на него во все глаза. Прогнать медведя вот так, просто сказав ему несколько фраз? Она не думала, что такое вообще возможно.

- Что ты сказал ему? – только и смогла выговорить девушка.

Герман улыбнулся.

- Я сказал, что мы пришли с миром на его территорию. Что мы ему не враги. И уйдем утром.

Фиалка не поверила своим ушам.

- И он просто ушел? Медведь?! Просто ты сказал ему, что мы хорошие, и он взял и ушел? Но это же дикий медведь! Не цирковой! Не...

- Ну... он не очень обычный медведь.

- В смысле? Что ты имеешь в виду?

Герман встряхнулся, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Потом испуганно посмотрел на Фиалку расширившимися глазами:

- Суп выкипает!

Забыв про медведя, они наперегонки бросились к костру.

Глава 4

Пока они торопливо снимали варево с огня, оценивали нанесенный супу ущерб и доливали в котелок воду, оба, как сговорившись, не упоминали о странном медведе, который понимает человек

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.